

«Бедность не порок» в филиале Малого театра

Уроки простодушия

«БЕДНОСТЬ НЕ ПОРОК». В МАЛОМ ТЕАТРЕ — РЯД ПРОСТОДУШНЫХ ТЕАТРАЛЬНЫХ КАРТИН, НАПИСАННЫХ ЖИРНЫМИ МАЗКАМИ

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ

На первый взгляд поставленный в филиале Малого театра спектакль Александра Коршунова «Бедность не порок» может показаться грубой аляповатой работой, где торжествует густопсовая актерская фальшь. Но только на первый. Коршунов и правда сочинил ряд простодушных театральных картин, написанных жирными и совсем не филигранными мазками. И все-таки у Малого театра получилась цельная и неглупая работа. Пускай и аляповатый, но это стиль.

Простодушная манера живущего вне всех эпох Малого театра доведена здесь до нарочитых преувеличений. На сцене воссоздана сказочная страна Россия, какой нет, да и не было никогда на белом свете. В ней всегда белым-бело от пушистого снега, что со всей торжественностью демонстрирует нам живописный задник, стилизованный под Кустодиева (сценография Ольги Коршуновой). Что же касается атмосферы спектакля, то с ней все ясно с самого начала: здесь русский дух, здесь Русью пахнет.

Чуть забавляясь, режиссер Коршунов собирает в своем спектакле весьма добросовестную этнографическую коллекцию. В какую сценическую деталь ни впе-

рится взгляд, на кого из артистов ни помотришь, все тут русское до мозга костей. Хоть садись да перечень пиши: русский румянец, русская водка, русский огурец, русский трепак, русская драка, русское ухарство, русские песни, русская душа... Русский театр, наконец. И так до бесконечности, пока не устанешь. В какой-то момент спектакля, сопровождаемого музыкой Георгия Свиридова, четко понимаешь, куда в следующий раз вести друзей-иностранцев, коли им вдруг захочется чего-нибудь остро-этнографического. «Бедность не порок» в постановке Коршунова словно напрашивается на то, чтобы стать гидом по сказочной стране.

Грубые актерские ухватки, не знающие полутонов, присущи почти всем присутствующим на сцене, за исключением разве что самого Александра Коршунова, играющего роль Любима Торцова. Если уж тутешний ухарь-купец начнет самодурствовать, желая по собственной прихоти выдать дочку замуж за богатого старика, то обязательно и по сцене ножищей пристукнет, и физиономии себе сочинит самую зверскую, на какую способен. Если уж купеческий сынок Разлюляев пойдет, напившись, куролесить, то такое разлили всем устроит, что будьте спокойны: и вприсядку отчебучит, и к красным девицам пристанет, и рожи соответствующие скорчит. Тут и на сцене весе-

лье закипит, тут и публика к нему присоединится — словом, всем сразу похорошеет. Для общего смеха можно и упасть на ровном месте — лубок так лубок, чего уж там.

«Бедность не порок» — одна из самых песенных пьес Островского, действие которой происходит на Святки. Коршунов эту святочную напевность еще больше преувеличил, насытив спектакль невероятным количеством фольклорных мелодий. Петь без фальши актерам Малого театра помогал хурук ансамбля «Сирин» Андрей Котов, в чем и преуспел. Здесь надо заметить, что труппа Малого всякий раз радуется своей классической выучкой, и это выгодно отличает ее сегодня от многих других московских театров. Можно заранее быть уверенным, что и споют здорово, и спляшут умело. Глянешь на сцену, и никого, кроме добрых молодцев да красных девиц, на ней не увидишь. Как в сказке.

Уроки простодушия, данные Александром Коршуновым, с такой готовностью воспринимаются здешней публикой, что в самый кульминационный момент к просьбе Любима Торцова отдать красну девицу в жены добру молодцу, которая была обращена к купцу-самодуру, присоединился кто-то из зала. Так и крикнул: «Ну отдай дочку!» Забавно, конечно. Но, с другой стороны, простодушие — это же ведь не порок? **ТАБЕЛ**